

Эмма Рудкевич

ИЗМЕНА МУЖА.
ТЫ ХОТЕЛ ОТСУДИТЬ
МОЮ КВАРТИРУ
РАДИ БЫВШЕЙ ЖЕНЫ!

Эмма Рудкевич

**Измена мужа. Ты хотел отсудить
мою квартиру ради бывшей жены!**

«Автор»

2026

Рудкевич Э.

Измена мужа. Ты хотел отсудить мою квартиру ради бывшей жены!
/ Э. Рудкевич — «Автор», 2026

Я увидела в телефоне мужа контакт «Вика*эמודзи сердце*»Его бывшая жена. Женщина, с которой он, по собственным словам, давно не общался.Но в переписке не было нежных признаний. Они обсуждали мой развод. И мою квартиру!Ту самую, которую я купила ещё до свадьбы.Артём готовил иск и собирался представить меня виноватой в разрушении семьи. Виктория уже консультировалась с юристами.Вскоре я выяснила: за их планами стоят влиятельный инвестор и куда более крупная афера.Муж был уверен, что я сломаюсь и отдам всё без борьбы.Он забыл, что я профессиональный аудитор.И в этот раз я проверю каждую цифру. Даже цену предательства.

© Рудкевич Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Эмма Рудкевич

Измена мужа. Ты хотел отсудить мою квартиру ради бывшей жены!

Глава 1

Тишина в нашей квартире была не пустой, а густой, как сметана на столе. В кухне пахло остывшим супом с укропом и дорогим парфюмом, который я купила Артему на прошлый день рождения. «Для деловых встреч», — сказала я тогда, улыбаясь так, будто верила в каждое слово. Теперь этот запах вызывал тошноту.

Телефон Артема лежал рядом с чашкой недопитого чая. Экран погас, но внутри корпуса что-то вибрировало. Не громко, а настойчиво, короткими толчками, от которых мурашки ползли вверх по предплечьям. Я знала: это Артем оставил свой iPhone на кухонном острове, когда уходил на вечеринку к инвесторам. Он всегда оставлял его заряжаться здесь, привычка, ставшая ритуалом доверия. Доверие, которое сейчас трещало, как стекло под молотком.

«Не смотри», шептал внутренний голос, старый знакомый, отвечавший за выживание психики. «Это просто спам. Реклама кредитных карт или напоминание о подписке на стриминг. Если ты согласишься, ты разрушишь всё. Просто засни.»

Но рука двигалась сама. Пальцы скользнули по холодному стеклу, и экран вспыхнул белым светом, больно ударив по зрачкам. Я моргнула, пытаясь сфокусироваться. На блокировке горела одна-единственная строка уведомления.

Вика *эмодзи сердце*

Сердечный эмодзи был красным, жирным, почти карикатурным. В моем окружении не было никакой Вики. Бывшую жену Артема звали Викторией, но он уверял, что они давно не общаются. Я не привыкла называть её Викой — тем более с сердечком. Имя висело над этим номером, как приговор.

Я взяла телефон в руки. Ладони стали влажными, ледяными. Инстинкт подсказывал бросить трубку обратно на стол, но в аудиторке во мне проснулась хищница. Мне нужно было знать источник тревоги до того, как я лягу спать. До того, как меня смутят угрызения совести за нарушение приватности.

Телефон запросил пароль. Я набрала знакомые шесть цифр: Артем давал их мне, когда просил ответить курьеру за рулем. Он был уверен, что я никогда не рискну читать его переписку. Ошибка. Роковая ошибка.

Я начала искать контакт. Над номером в уведомлении стояло имя профиля WhatsApp, а не запись из адресной книги. В адресной книге Артема сотни имён: партнеры, разработчики, курьеры. Но «Вика» там не было. Только набор цифр. Я ткнула пальцем в поле поиска мессенджера, где хранились все чаты. Сердце колотилось так сильно, что я слышала его стук в ушах, заглушая гул холодильника.

WhatsApp открылся. Чат с этим безымянным номером висел выше всех остальных, закрепленный. Последнее сообщение пришло три минуты назад: «Уже дома? Как она?»

Я пролистнула историю вверх. Полгода переписки. Тысячи сообщений. Сначала я ждала флирта, слюнявых словечек, фото в постели. Но вместо этого увидела нечто более страшное. Методичную работу.

Артем жаловался.

«Она снова проверяет мои расходы. Марина считает каждый рубль, как бухгалтер из ада.»

«Сегодня опять скандал из-за того, что я опоздал на ужин. Токсичная женщина, Вика. Я не понимаю, почему терплю это третий год.»

А «Вика» отвечала сухо, профессионально, без единой живой ошибки. Без смайликов, кроме того самого красного сердца в имени профиля.

«Терпение — это ресурс, Артем. Когда он исчерпан, пора менять стратегию. Ты не можешь уйти к другой, если у тебя нет финансовой подушки. Нужно доказать свою правоту деньгами. Раздел имущества — единственный способ получить свободу и стартовый капитал для нового бизнеса. Юристы готовы. Сумма претензий может быть любой, главное — обосновать вклад.»

Боль была острой, но холодной. Это не измена в классическом понимании. Это не страсть. Это сделка. Они обсуждали мой развод, как обсуждают квартальный отчет. Меня рассматривали не как человека, а как препятствие, актив, который нужно перераспределить.

Я заметила странность в структуре текста. Сообщения приходили ровно каждые четыре часа. Ни одной опечатки. Ни одного сбоя в синтаксисе. Будто шаблон, рассылаемый ботом или человеком, который использовал автокоррекцию слишком часто. Аудиторский рефлекс, въевшийся в костный мозг за десять лет работы с документами, заставил меня действовать быстро. Я не стала удалять переписку. Вместо этого я сделала серию скриншотов: даты, имена файлов, текст сообщений. Загрузила их в личное облачное хранилище, которое Артем не мог видеть. Пароль был сложный, сгенерированный мной месяц назад.

Громкий щелчок замка входной двери заставил меня вздрогнуть.

Он вернулся раньше обычного. Обычно эти вечеринки заканчивались за полночь.

Паника ударила в грудь. Если он увидит меня с телефоном в руках, если поймет, что я знаю... Нет. Нельзя показывать слабость. Нельзя устраивать истерику прямо сейчас, стоя босиком на холодном линолеуме.

Я метнулась к столу, бросила телефон рядом с чашкой, ровно так, как он лежал до этого. Вытерла дрожащие руки о пояс халата, хотя ткань уже была мокрой от пота. Быстро включила плиту. Шум закипающей воды должен был заглушить биение моего сердца. Запах супа, который я начала варить еще утром, вдруг показался невыносимо домашним, нормальным, ложным.

Дверь на кухню распахнулась. Артем вошел, снял пиджак, повесил его на спинку стула. Его лицо было гладким, выбритым, свежим. Пахло алкоголем и мужским дезодорантом. Он улыбнулся той самой обаятельной улыбкой, за которую я когда-то вышла замуж.

— Привет, родная, — сказал он мягко, подходя ближе. Поцеловал меня в макушку. Губы были теплыми, сухими. — Почему не легла? Ждешь?

Я смотрела на него снизу вверх, чувствуя, как внутри все переворачивается от отвращения и страха одновременно. Страх быть пойманной смешивался со злобой. Ему нравилось контролировать меня через эту игру в «токсичную жену»? Нравилось строить козни с женщиной, скрытой за этим сердечком?

— Суп почти готов, — ответила я ровным голосом, который казался мне чужим. — Ты рано. Думала, будешь там до утра.

— Скучно стало, — он пожал плечами, садясь на табурет напротив плиты. — Все пьют, говорят о том же самом. Решил вернуться к тебе. К тишине.

Его глаза бежали. Не по мне, а по комнате. По телефону на столе. По моему лицу. Он нервничал. Или проверял, не изменилась ли ситуация.

— Телефон разрядился? — спросил он, кивая на гаджет.

— Лежал, — сказала я, помешивая суп деревянной ложкой. Рука едва заметно дрожала, но я контролировала амплитуду. — Ты забыл закрыть крышку ноутбука в кабинете. Я видела, он шумел.

Артем замер, потянувшись к телефону.

— Какой шум? — его тон стал резче, потерял бархатистость.

— Кулер гудел. Может, зависло что-то. Я собиралась закрыть крышку, чтобы не жрал батарею.

Он посмотрел на меня долго, оценивающе. Потом резко встал.

— Пойду проверю. Голова раскалывается.

— После душа, — крикнула я ему вслед. — Еда стынет.

Он ушел в душ. Звук воды, льющейся из лейки, заполнил кухню монотонным гулом. Я осталась одна среди пара и запаха зелени. Но покоя не было. Тревога, которая только притихла, теперь сменилась другим чувством — жаждой действия.

Если он думал, что я буду ждать его милости, он ошибался. Три года брака научили меня одному: верить можно только документам. А документы, как известно, любят порядок.

Я подошла к рабочему кабинету. Дверь была приоткрыта. Артем действительно оставил ноутбук открытым, забыв свернуть окна. Экран светился тусклым голубым светом. Я не стала трогать мышку. На экране и без того хватало того, что он забыл спрятать.

В браузере была открыта вкладка. Не почта. Не соцсети. Сайт юридической фирмы, специализирующейся на семейных спорах и разделе сложного имущества. Название компании мне ничего не говорило, но URL содержал имя партнера — Виктора Савельева. Имя начиналось на «Ви». Совпадение? За такие натяжки я сама вернула бы отчет на доработку. Но адрес фирмы стоило сохранить.

Рядом с браузером, на другой половине экрана, был открыт текстовый редактор. Документ был назван «Черновик иска_Марина.docx».

Мое имя. Черновик. Иск.

Я медленно приблизилась к экрану. Курсор мигал в конце строки. Артем просто вышел, оставив файл открытым. Текст был набран крупным шрифтом, легко читался даже с расстояния двух метров.

«Истец требует раздела совместно нажитого имущества, включая квартиру, приобретенную в период брака...»

Ложь. Квартира была моей собственностью до свадьбы. Мы это обсуждали, я настаивала на брачном контракте, но он отказался, сказав, что «любовь не нуждается в бумагах». А теперь он собирался забрать её силой, используя формулировки юристов Виктории.

Внизу документа стояла пометка: «Подготовлено сегодня, 14:30». Время, когда он был на работе. Когда он писал мне: «Люблю тебя, жду вечера».

Романом здесь и не пахло — это была операция. Измена была лишь инструментом давления, способом выставить меня виноватой, эмоционально нестабильной, чтобы суд принял сторону «обиженного мужа». Они готовили почву месяцами. Переписка с «Викой» была частью сценария. Возможно, реальная Вика писала не сама. Кто-то снабжал её готовыми фразами и юридическими формулировками. Кто — я пока не знала.

Я почувствовала, как по спине стекает капля пота, несмотря на прохладу кондиционера. Ярость сменилась холодным расчетом. Аудитор видит цифры. Цифры не врут. Люди врут.

Звук льющейся воды в ванной прекратился. Шаги Артема приближались к кабинету.

Я отступила на шаг, делая вид, что просто стою у порога, ожидая его. Мой взгляд упал на поле «Сумма претензий». Там была вписана цифра, равная стоимости всей моей квартиры плюс компенсация за моральный ущерб.

Он уже вышел из душа. Я должна была решить, кто я для него теперь. Жена, которая будет плакать и просить сохранить семью? Или враг, которому нужно уничтожить его бизнес прежде, чем он уничтожит меня?

Я выпрямила спину. Плечи расслабились. Лицо приняло выражение спокойной вежливости. Игра началась, и я намерена была выиграть её по всем правилам, которые они пытались навязать мне.

Глава 2

В три часа ночи дом дышал тишиной, но в моей голове стоял гул, как от перегрузки сервера. Артем спал на диване в гостиной — он уже третью ночь избегал нашей спальни, аргументируя это «усталостью» и «необходимостью сосредоточиться». Я знала истинную причину: страх. Страх, что я могу заговорить. Но я не говорила. Я работала.

Мой старый ноутбук гудел под пальцами, нагревая пластик до температуры живого тела. Экран освещал лицо бледным синим светом, вырисовывая тени под глазами. Я была аудитором по натуре и профессии: если цифра не сходится, значит, кто-то подделал баланс. Сейчас баланс был сломан, и мне нужно было найти ошибку в системе под названием «моя семья».

Первое сопротивление пришло из облака. Когда я открыла сохраненную сессию Apple ID Артема на ноутбуке, система потребовала повторный вход и двухфакторную авторизацию. Код ушел на его телефон, который лежал рядом с ним на подушке в беззвучном режиме. Пароль от облака он сменил после нашей последней ссоры о деньгах, когда я случайно упомянула, что видела чужое уведомление. Он тогда сказал: «Это личное, Марина. Не лезь в мои технические дела». И я послушалась. Глупо? Нет. Я решила дождаться другого входа.

Я закрыла браузер и открыла папку «Backups» на своем рабочем столе. В памяти всплыла деталь: полгода назад Артем ездил в командировку в Казань. Перед отъездом он жаловался на медленный Wi-Fi в отеле и сохранил резервную копию телефона на моем ноутбуке. Потом обновлял её перед поездками. Тогда я еще не подозревала ничего плохого. Теперь же этот забытый мной, недавно обновленный файл размером в двенадцать гигабайт стал моим ключом.

Программу просмотра бэкапов Артем оставил на ноутбуке вместе с копией. Палец дрогнул над кнопкой «Открыть». Адреналин холодно растекся по венам, смешиваясь с остатками кофеина. Если я ошибусь, если он проснется... Нет. Он спал; я слышала ровное дыхание из гостиной. Этой ночью его страхи меня не интересовали.

Бэкап открывался вечность. Прогресс-бар полз, как улитка по стеклу. Сердце колотилось так, что отдавало в висках. Наконец, интерфейс бэкапа показал структуру данных. Контакты. Сообщения. Фотографии. Звонки.

Я кликнула на «Контакты». Поисковая строка мигнула курсором. Я набрала имя: «Виктория». Ничего. Система выдавала пустоту. Пальцы заскользили по клавиатуре быстрее, теряя ритм. «Vika». «Viktoria». «Вика». Пусто.

«Он удалил её», — мелькнула паническая мысль. Или переписывал контакты вручную, стирая следы? Это означало масштаб подготовки. Это означало, что предательство было не импульсивным, а системным.

Я выдохнула, чувствуя, как воздух обжигает легкие. Паника — роскошь, которую я себе позволить не могла. Мне нужна информация, а не эмоции. Эмоции придут позже, когда всё будет кончено. Сейчас нужен холодный расчет.

Если имени нет, значит, она сохранилась только по номеру. Тот номер, который высветился на экране телефона Артема вечером, перед тем как он ушел в душ. Я сверила цифры со скриншотом. Я переключилась на вкладку «Сообщения» внутри бэкапа. Фильтр по датам. Последние шесть месяцев.

Экран заполнили серые пузыри сообщений. Отправитель — тот номер. Содержание... Боже, какое содержание.

«Он опять не звонил?»

«Марина слишком давит. Тебе нужно пространство.»

«Не бойся раздела. Имущество можно вернуть через суд, если правильно оформить дарственную задним числом.»

«Ты мужчина или тряпка? Докажи ей свою ценность. Деньгами.»

Читая эти строчки, я физически почувствовала тошноту. Горькая слюна скопилась во рту. Это была манипуляция. Измена — только её инструмент. Кто-то методично ломал психику моего мужа, превращая его в оружие против меня. Но кто эта Вика?

Поиск по номеру телефона в открытых базах данных дал ноль. Человек исчез из цифрового поля зрения. Или использовал виртуальный номер? Или купил сим-карту по паспорту друга? Тупик.

Я откинулась на спинку кресла, потирая переносицу. Голова раскалывалась. Нужно менять тактику. Искать имя бесполезно. Нужно искать связь.

Артем любит фотографироваться в соцсетях. Инстаграм, Facebook, даже старые страницы в Одноклассниках, которые он не удалял годами. Я открыла архив его фото, сохраненных в бэкапе телефона. Папка «Камера». Тысячи снимков. Еда, машины, пейзажи. И люди.

Я пролистывала быстро, ловя взглядом женские силуэты. Два года назад, отпуск в Сочи. Фотография на пляже. Артем смеется, солнце слепит объектив. На плече его лежит рука. Тонкая, с длинными пальцами и маникюром цвета бордо. Лицо женщины повернуто в сторону, но я различала профиль. Высокий лоб, прямой нос.

Зум. Пиксели размывались, но деталь оставалась. На запястье этой руки — часы. Старенькие, с кожаным ремешком, с характерной трещинкой на циферблате. Я помнила эти часы. Подарок на годовщину свадьбы Артема с первой женой. Она никогда их не снимала.

Сердце пропустило удар. Это Виктория. Бывшая жена. Та, с которой они расстались пять лет назад в скандальной войне за квартиру. Та, которую Артем называл «истеричкой» и «токсичной женщиной», хотя сам же инициировал развод из-за собственной слабости.

Но почему она вернулась?

Я продолжила поиск. На другом снимке, в отражении большого зеркала в лобби отеля, угадывалось лицо. Размытое, но узнаваемое. Характерная родинка над левой бровью. Да. Это она. Но это всего лишь догадка. Фотография — не доказательство. Для суда нужны документы.

И тут мой взгляд упал на мусорную корзину рядом со столом. Из-под распечаток торчал смятый чек, выброшенный Артемом. Он привык считать меня слепой. Привык, что я убираюсь молча.

Я достала смятый чек из ресторана «White Rabbit». Дата: 14 февраля. Время заказа: 20:45. Столик на двоих. Сумма огромная, включая бутылку шампанского.

Сверка. Пляжный снимок был старым. А вот фотография в зеркале московского отеля датировалась тем же 14 февраля, 18:30. До ресторанного заказа оставалось чуть больше двух часов. Чек не доказывал, с кем он ужинал. Но в этот вечер Виктория уже была рядом с ним. В день святого Валентина. Пока я готовила ужин дома, надеясь на сюрприз, он праздновал с бывшей женой.

Боль ударила в солнечное сплетение, заставив согнуться пополам. Я закусила губу, чтобы не застонать. Слезы жгли глаза, но я не позволила им упасть. Ни одной капли. Слезы — это слабость, а мне нужна сила. Холодная, расчетливая ярость.

Утро наступило слишком быстро. Солнце било в окно кабинета, выхватывая из темноты пыль, танцующую в лучах. Я закрыла все окна браузера, очистила историю поиска и перезагрузила ноутбук. Файлы бэкапа остались, но теперь я знала, где искать.

Днем Артем вернулся домой раньше обычного. Его шаги в коридоре звучали как приговор. Он выглядел помятым, рубашка была застегнута не на ту пуговицу, воротник съехал. Он пах дорогим парфюмом и чем-то сладким, чужим.

— Ты рано, — сказала я ровно, не поднимая глаз от телефона. Ленту новостей я листала механически, пока сердце колотилось в горле.

— Встречу отменили, — буркнул он, проходя мимо и направляясь на кухню. — Чай будешь?

— Нет.

Тишина повисла в воздухе, плотная, как туман. Я слышала, как он ставит чайник, как звенят ложки. Каждое движение было испытанием. Выдержу ли я? Не выдаст ли меня тело? Покраснеют ли уши? Я контролировала дыхание. Вдох-выдох. Как на йоге. Как на допросе.

Он вернулся в комнату, держа кружку. Остановился у двери, смотрел на меня долгим, оценивающим взглядом.

— Что читаешь? — спросил он. Голос был низким, с ноткой подозрения.

— Новости экономики, — ответила я, не отрываясь от экрана. — Криптовалюта снова падает. Жаль, что ты не успел продать биткойны вовремя.

Это был удар ниже пояса. Мы оба знали, что он потерял деньги на спекуляциях, и именно из-за этого начал нервничать и искать поддержки у Виктории. Я увидела, как дернулся его кадык. Он отвел взгляд.

— У нас общий бюджет, Марина, — произнес он вдруг, подходя ближе. — Мне нужно проверить твои расходы. За последний месяц.

Моё тело напряглось. Это проверка. Он хотел увидеть, искала ли я информацию о нем. Хотел убедиться, что я не знаю о Вике.

Я медленно подняла голову. Посмотрела ему прямо в глаза. В них читалась смесь страха и высокомерия. Он был уверен, что я покорная овечка. Что я буду оправдываться, плакать, умолять.

Я спокойно протянула ему свой разблокированный iPhone.

— Пожалуйста, — сказала я ровным, скучающим голосом. — Там только рабочие письма и лента Instagram. Можешь смотреть. Я ничего не скрываю. Потому что мне нечего скрывать.

Он взял телефон. Его пальцы дрожали. Он начал листать экран, ища подтверждение своих страхов. Но там было пусто. Никаких поисковых запросов. Никаких переписок с детективами. Только коты, рецепты и новости.

Его уверенность колебалась. Он возвращал телефон, и в его глазах мелькнуло разочарование. Ему хотелось поймать меня. Ему хотелось оправдания своего поведения.

— Ладно, — пробормотал он, кладя телефон обратно на стол. — Извини. Просто... нервы.

Он вышел из комнаты. Я выдохнула. Легче стало дышать, но тревога не отпускала. Он поверил. Пока.

Глава 3

Оставшись одна, я вернулась к ноутбуку. Открыла почту Артема. Корпоративные рассылки стартапа часто попадали в общую папку, если человек забывал настроить фильтры. На ноутбуке оставалась старая выгрузка его почты после переноса аккаунта. Входить в нынешний ящик не потребовалось.

Я вбила в поиск: «Увольнение», «HR», «Кадры».

Письмо нашлось быстро. Дата: два года назад. Тема: «Подтверждение прекращения трудовых отношений». Отправитель: HR-отдел компании. Получатель: Артем.

В тексте перечислялись сотрудники, уволенные в рамках оптимизации штата. Среди них была фамилия: «Смирнова Виктория Александровна». Должность: маркетолог. Причина: сокращение должности.

Вот оно. Официальная запись. Социальные сети она удалила, телефон сменила, но корпоративная почта хранила правду. Виктория Смирнова. Бывшая жена. Бывший коллега. Теперь — инструмент шантажа.

Я сидела неподвижно, глядя на монитор. Казалось бы, враг найден. Мотив понятен: месть, зависть, желание вернуть мужа. Обычная история.

Но что-то царапало внутри. Неправильный тон.

Я вернулась к переписке в бэкапе. Начала читать сообщения Виктории хронологически. В начале — жалобы. «Как ты?», «Почему ты не звонишь?», «Мне тяжело без тебя». Это похоже на обиженную женщину.

Но последние три месяца... Текст изменился. Пропадала эмоция. Появлялась инструкция.

«Не дави на квартиру сейчас. Судья будет лоялен, если ты покажешь, что она содержала семью.»

«Дождись момента, когда Марина предложит раздел сама. Это добровольное согласие.»

«Савельев говорит, что юристы готовы. Нам нужно только доказательство её вины в растрате.»

Савельев. Партнер фирмы, чье имя я видела в адресе сайта на ноутбуке Артема. И главное — откуда у бывшей жены такие ресурсы? Профессиональные юристы стоят дорого. Слежка стоит денег. План действий был составлен не эмоционально, а юридически грамотно.

Виктория не действовала сама. Она выполняла заказ.

Я вспомнила лицо инвестора стартапа Артема, господина Волкова. Холодного, властного человека, который всегда улыбался, но в глазах у него не было тепла. Он давно претендовал на контрольный пакет акций Артема. Он говорил: «Бизнес требует жертв, Артем. Иногда нужно пожертвовать личным счастьем ради общего дела».

Волков знал слабые места Артема. Знал о его зависимости от одобрения. Знал о бывшей жене. Не он ли использовал её? Виктория могла быть марионеткой; оставалось найти того, кто держал нити.

А этот другой уже считал мои деньги своими.

Я закрыла крышку ноутбука. Щелчок замка прозвучал как выстрел. В доме было тихо, но теперь тишина стала опасной. Я больше не была жертвой обстоятельств. Я была игроком. И игра только начиналась.

Пар от стейка поднимался к потолку, пахнул розмарином и дешевым вином. Я положила телефон Артема экраном вверх на белую скатерть. Светлое дерево кухни отражалось в черном стекле, делая уведомление еще более уродливым. «Вика *эмодзи сердце*». Сердечко было алым, как кровь из разбитого носа.

Артем не заметил сразу. Он резал мясо, сосредоточенно хмурия лоб, будто решал сложную задачу по оптимизации кода. Его руки были спокойны. Идеальны. Слишком спокойны для человека, которого только что обвинили в предательстве молчанием.

— Что это? — спросила я. Голос вышел ровным, без дрожи. Аудиторская привычка: сначала факты, потом эмоции.

Он поднял глаза. Взгляд скользнул по телефону, задержался на имени. Секундная пауза. Потом его лицо исказилось, но не от стыда, а от раздражения.

— Это спам, Марина. Опять эти алгоритмы соцсетей. Они собирают данные из облаков, путают контакты. Ты знаешь, как это работает.

— Вика? С сердечком?

— Ну да, Виктория, бывшая коллега из прошлой компании. Мы пересекались на корпоративе три года назад. Алгоритм сам предложил добавить в избранное, потому что мы часто переписывались по рабочим вопросам. А ты... ты опять начинаешь эту паранойю.

Я молча забрала телефон. Мои пальцы коснулись его экрана. Холодного. Живого.

— Алгоритмы не ставят сердечки рядом с именами, Артём. И не ведут за тебя переписку полгода каждый день.

Его челюсть напряглась. Он бросил нож на тарелку, звякнув о фарфор.

— Ты проверяешь мой телефон каждую неделю! Каждый вечер! Тебе мало того, что я дома? Тебе нужно контролировать каждый шаг, каждое слово? Я работаю двадцать часов в сутки, чтобы обеспечить нам этот уровень жизни, а ты сидишь здесь и ищешь измену в спам-рассылках!

Он встал. Стул заскрипел, царапая пол. Артем начал ходить по кухне, жестикулируя руками, пытаясь заглушить правду шумом своих эмоций. Это был старый трюк. Кричать громче, чем звучит правда.

— Ты всегда придираешься к мелочам, — продолжил он, его голос сорвался на визгливые ноты. — Помнишь историю с кредитной картой? Там тоже была ошибка банка. А ты устроила допрос. Мне кажется, тебе нравится чувствовать себя жертвой. Нравится видеть меня виноватым.

Я смотрела на него. На его красные пятна на шее, на пот, выступивший над верхней губой. Страх. Не передо мной. Перед чем-то другим.

— Почему ты читаешь сообщения с этого номера полгода, если это спам? — спросила я тихо.

Он запнулся. Заметил, что потерял ритм монолога. Вернулся к столу, сел. Руки дрожали так сильно, что он положил их под стол, чтобы я не видела.

— Это... это просто знакомая. Из командировки в Питере. Мы случайно пересеклись в баре. Она сохранила мой номер, я её. Просто так. Без обязательств.

— Командировка в Питере была восемь месяцев назад, — сказала я, доставая блокнот из кармана фартука. Тетрадь в клетку, синие чернила. — Переписка началась шесть месяцев назад. Первое сообщение датировано вторником. Ты был здесь. В Москве.

Он побледнел. Буквально. Кожа стала пепельно-серой.

— Даты... даты могут сбиваться. Синхронизация времени между устройствами глючит. IT-сфера, ты же знаешь, всё нестабильно.

Телефон я вернула на стол. Открыла блокнот и взяла ручку.

— Продолжай.

— Что продолжать?

— То, что ты сейчас сказал. Записываю дословно. Дата, время, показания свидетеля. Для протокола.

Этот звук — щелчок ручки — шокировал его больше, чем крик. Артем замер. Его глаза расширились. Он почувствовал себя не мужем, который оправдывается, а подозреваемым на допросе. И ему это не нравилось.

— Ты ведешь себя ненормально, Марина. Хватит этих игр.

Он рванулся вперед, схватив меня за запястье. Его пальцы впились в кожу, оставляя белые полосы. Боль была острой, бытовой, неприятной.

— Отдай блокнот. Удали это. Сейчас же.

И тут зазвонил его телефон. Лежавший на столе, рядом с моей рукой. Экран вспыхнул зеленым. Имя на экране: «Вика *эмодзи сердце*». Теперь я знала, какая Виктория стояла за этим именем.

Артем резко отпустил мою руку. Будто обжегся.

Он посмотрел на экран. На его лице проступило выражение, которое я никогда раньше не видела. Не вина. Не злость. Ужас. Смешанный с почтительным ожиданием команды.

Звонок шел. Три секунды. Пять. Десять.

Он не брал трубку. Не сбрасывал. Ждал. Как собака ждет, пока хозяин закончит говорить.

— Ответь, — предложила я.

— Нет. Это не важно.

На одиннадцатой секунде звонок оборвался. Тишина стала звенящей. Артем выдохнул, глубоко, всем телом, как ныряльщик, всплывший после долгого погружения. Его плечи опустились.

Через мгновение телефон завибрировал снова. SMS. Он прочитал сообщение, и цвет лица изменился с бледного на восковой. Быстро, ловким движением, он спрятал телефон в карман брюк. Попытался улыбнуться. Криво, натянуто.

— Реклама, — пробормотал он. — Простая реклама. Я удалил.

Его тон стал мягким. Слишком мягким. Почти заискивающим. Раньше он никогда не говорил со мной так, когда был зол. Сейчас он боялся меня. Или того, кто дал ему команду успокоиться.

— Давай забудем об этом недоразумении, — сказал он, протягивая руку через стол. — Я знаю, ты устала. Давай пойдем спать.

Он хотел обнять меня. Стандартный ритуал примирения. Прикосновение. Тепло. Закрытие темы.

Я позволила ему взять мою руку. Его ладонь была холодной и влажной. Механической. Он смотрел не на меня, а на часы на стене. Торопился. Сцена затянулась дольше, чем планировалось.

— Хорошо, Артём. Идем спать.

Мы прошли в спальню. Он разделся, лег спиной ко мне, отвернувшись к стене. Я лежала ровно, глядя в потолок. Шторы были плотно задвинуты, но свет от фонарей улицы пробивался сквозь ткань, рисуя на стене абстрактные тени.

Час спустя. Два часа. Тишина нарушалась только его ровным дыханием.

Вдруг он дернулся, приподнялся. Под одеялом вспыхнул экран телефона. Артем поднес его ко рту.

Я не двигалась. Только слушала.

Шепот. Тихий, еле слышный, но отчетливый в ночной тишине.

— Скоро всё будет... Она поймет... Нужно быстрее... Инвестор не любит ждать...

Сердце пропустило удар. Потом заколотилось быстрее, отдаваясь в висках гулом.

«Инвестор не любит ждать».

Он не молился. Он не читал стихи. Он давал отчет.

В темноте спальни, где должен был быть дом, уют, любовь, я услышала холодный бизнес-процесс. Моя боль, моя ревность, мои сомнения — всё это было всего лишь строкой в бюджете проекта «Развод».

Картина перевернулась. Щелкнула, как замок в двери.

Одной изменой это уже не объяснялось. Он выполнял работу. Заказчик требовал результата. А результат — это я, сломленная, униженная, подписывающая бумаги о разделе имущества без борьбы.

Я лежала с открытыми глазами, чувствуя, как внутри растёт не горе, а ледяная, прозрачная ярость. Я перестала бояться его гнева. Я перестала бояться одиночества.

Передо мной был не муж. Передо мной был исполнитель. И у него есть заказчик.

А у аудитора всегда есть доступ к бухгалтерии. Даже если эта бухгалтерия написана кровью и чужими секретами.

Я потянулась к телефону под подушкой, но остановилась. Утром он не должен был увидеть, что я перестала спать.

Глава 4

Холл нашего ЖК всегда пахнет дорогим кофе и чистящим средством с запахом лимона. Это запах порядка и безопасности, который я так любила после десяти лет работы аудитором, где всё держится на цифрах и фактах. Но сегодня этот аромат показался мне тошнотворным. Слишком приторным. Как ложь, приправленная сахаром.

Я подошла к своему почтовому ящику — металлической ячейке под номером 142, которая была для меня символом стабильности. Внутри лежал он. Плотный, бежевый конверт с гербовой печатью суда. Она смотрела на меня красной печатью, как открытая рана. Инстинкт кричал: «Убери это. Не читай. Пусть оно исчезнет». Руки предательски дрогнули, пальцы скользнули по бумаге, оставляя влажные следы пота. Я ненавидела себя за эту слабость, за то, что тело реагирует быстрее разума. Артем часто говорил, что я «сухарь», но сейчас сухарем была не я, а моя воля, которую пытались сломать одним листком бумаги.

Вместо того чтобы убежать, я вскрыла конверт прямо у лифта, игнорируя взгляд консьержа Ивана Петровича. Тот только хмыкнул, молча отводя глаза. Он видел много таких конвертов. Видел, как люди стареют за одну секунду, прочитав повестку. Мне было важно, чтобы он видел меня спокойной. Чтобы никто в этом доме не знал, что моя жизнь только что дала трещину.

Текст иска читался легко, без юридического жаргона, потому что составители знали свою аудиторию. Требование было абсурдным до боли: раздел имущества. В список входила квартира. Моя квартира. Та, которую я купила за свои кровные деньги еще до свадьбы, сохранив договор купли-продажи и платежные документы. Теперь она называлась «совместно нажитым имуществом», потому что Артем якобы вкладывал сюда средства на ремонт. Логика отказывалась принимать этот бред. Меня начало физически мутить, словно воздух стал густым и тяжелым. Я чувствовала вкус железа во рту — признак начинающейся паники.

Но я не заплакала. Слезы — это роскошь для тех, кто может позволить себе быть слабыми. У меня не было такой привилегии. Дрожащими руками я достала телефон и начала фотографировать каждую страницу. Каждая строчка лжи должна была стать доказательством правды. Я сохранила файлы в зашифрованное облако, создавая копию своего кошмара, чтобы потом разобрать его на части, как механик разбирает двигатель. Фотография — это тоже оружие. Если они хотят играть в документы, я буду играть в архивы.

Когда я вернулась домой, тишина квартиры давила на уши. Артем сидел на диване с ноутбуком на коленях. Экран светился синеватым холодным светом, отражаясь в его очках. Он выглядел расслабленным, почти довольным. Услышав щелчок замка, он поднял голову и улыбнулся той самой обаятельной улыбкой, которая когда-то заставила меня поверить, что мы созданы друг для друга.

— Привет, родная. Как день? — спросил он мягко. Его голос был бархатным, уютным. Идеальная декорация для семейного вечера.

Мне хотелось закричать ему в лицо: «Ты подаешь на развод! Ты крадешь мою квартиру!» Хотелось швырнуть сумку ему в голову. Но я проглотила ком в горле, чувствуя, как внутри скручивается узел холодной ярости. Если я покажу эмоции, он поймет, что иск уже у меня. И изменит тактику. Нужно время. Нужно собрать доказательства.

— Нормально, Артём. Скучновато, как обычно, — ответила я ровным голосом, не глядя ему в глаза. Я поставила сумку у порога, аккуратно выровняв её по плинтусу. Этот жест контроля над вещью помогал контролировать себя.

Он кивнул, будто удовлетворенный моим спокойствием, и снова уставился в экран. Я прошла в ванную, включила душ на полную мощность. Струи воды ударили по коже, смывая пыль с улицы и запах его триумфа, который витал в гостиной. Там, за дверью, он чувствовал

себя победителем. Здесь, под водой, я становилась невидимой. Холодной. Мертвой для него и живой для себя.

Ночь не принесла сна. Мы спали на разных половинах кровати, как соседи в коммуналке. Тишина спальни была звенящей. Около двух часов ночи телефон Артема, лежащий на тумбочке, вспыхнул зеленым огнем уведомления. Звук был тихим, почти беззвучным, но в темноте он прогремел как гром.

Сердце пропустило удар. Я не двигалась, притворяясь спящей, дыша ровно, имитируя ритм глубокого сна. Артем даже не шевельнулся. Он спал крепким сном человека, совесть которого уже давно спрятана в надежный сейф.

Экран мерцал. Я не могла повернуться и посмотреть прямо — это было бы слишком очевидно. Вместо этого я использовала темное стекло выключенного телевизора напротив нас. В отражении я видела светящийся прямоугольник. Приподнявшись, будто поправляла подушку, я покосилась на экран. Крупные белые буквы еще не погасли.

«Документы отправлены. Жди реакции. Виктория».

Текст всплыл из тьмы, как акула из глубины. Не просто имя. Контакт с бывшей женой. Соучастницей? Подтверждение того, что эта атака была скоординирована. Они не действовали хаотично. Они шли по плану. И этот план включал меня как мишень.

Страх сковал мои конечности, но разум работал четко. Они ожидали истерики. Ожидали, что я позвоню матери, друзьям, начну плакать в трубку, просить помощи. Они хотели увидеть меня слабой, эмоциональной, «неадекватной» женой, которая не способна вести бизнес-переговоры. Именно такой образ нужен им для суда, чтобы доказать, что я не достойна управлять своими активами.

Я закрыла глаза. «Не давай им этого.»

Утро началось с запаха свежего хлеба и жареного бекона. Артем стоял на кухне у красиво сервированного стола, готовый к выходу. Он выглядел свежим, отдохнувшим. Его уверенность раздражала больше, чем любая грубость.

— К тебе тут какие-то бумаги приходили? — небрежно спросил он, намазывая масло на тост. Вопрос был брошен между делом, как камень в озеро. Он проверял воду. Проверял глубину моего знания.

Я налила себе кофе, чувствуя тепло кружки в ладонях.

— Может быть. Я не разбираюсь в макулатуре, Артём. Почта приходит в ящик, я смотрю там счета за электричество. Всё остальное — не моя компетенция.

Мой голос был скучающим, деловым. Таким, каким я говорила с клиентами, которые пытались скрыть убытки. Артем замер с ножом в руке. На долю секунды его маска сползла, показывая удивление. Он ждал паники, вопросов, обвинений. А получил равнодушие.

— Ну, хорошо, — протянул он, пытаясь сохранить самообладание. — Тогда я поехал. Удачи.

Он ушел раньше меня, хлопнув дверью чуть сильнее обычного. Я осталась на кухне одна, слушая удаляющийся звук его шагов в подъезде. Он был растерян. Это было первое маленькое преимущество.

День в офисе тянулся долго. Работа аудитора требовала концентрации, но мысли постоянно соскальзывали на тот иск. Я проверяла балансы, сверяла цифры, но перед глазами стояла красная печать суда.

В середине дня мой личный телефон завибрировал. Неизвестный номер. Москва. Я взяла трубку, ожидая курьера или спама.

— Аллю?

— Марина? — Голос был женский, мягкий, с легкой хрипотцой. Знакомый до тошноты. Виктория. Бывшая жена. Та, чье имя я видела в полугодовой переписке. Та, которая теперь была «юристом» или «советником».

— Слушаю, — сказала я сухо, не называя своего имени.

— Вы прочитали иск, Марина? — Она не спрашивала разрешения говорить. Она констатировала факт. — Это ради вашего же блага. Артём очень расстроен вашим сопротивлением. Он считает, что вы ведете себя нерационально. Что вы цепляетесь за прошлое.

Слова были отточены, как хирургический скальпель. «Расстроен». «Сопротивление». «Нерационально». Это язык манипуляции. Она пыталась переложить ответственность на меня. Будто это я виновата в том, что он хочет украсть мое имущество. Будто моя защита своих прав — это каприз, а не закон.

Внутри меня поднялась волна презрения. Не к ней. К тому, насколько примитивны их методы. Они считали меня глупой девочкой, которая испугается тона голоса бывшей жены.

— До свидания, — произнесла я ровно.

И положила трубку. Никаких оправданий. Никаких слез. Никаких просьб объяснить ситуацию. Просто блок номера. Щелчок экрана, и связь оборвалась.

Глава 5

Я посмотрела на свое отражение в мониторе компьютера. Лицо было бледным, губы сжаты в тонкую линию. Но глаза... Глаза горели. Это не был развод. Это была война за активы. И противник был здесь, в Москве, возможно, совсем рядом.

Вечером Артем вернулся домой с букетом белых роз и бутылкой дорогого вина. Розы были свежими, с каплями воды на лепестках. Вино было охлаждено правильно. Все было продумано до мелочей.

— Я подумал, нам нужно выпить, — сказал он, ставя цветы в вазу на журнальном столике. Его улыбка была широкой, уверенной. Он выглядел как человек, который только что одержал победу и хочет разделить триумф с партнером. — Решить вопросы цивилизованно, Марин. Без криков.

Я смотрела на эти розы. Белые, чистые, дорогие. Взятка за молчание. Покупка времени. Он не хотел мириться — он ждал, что я подпишу согласие на раздел, чтобы все прошло гладко, без лишних глаз и свидетелей. Он хотел купить мою душу за цену этой бутылки.

— Красиво, — сказала я, подходя ближе. Я коснулась лепестков, чувствуя их холодную влажность.

— Я рад, что тебе нравится, — он открыл бутылку, налил вино в бокалы. Стекло звенело в тишине кухни. — Давай просто поговорим. Как взрослые люди.

Он протянул мне бокал. Я взяла его, но не сделала ни глотка. Я изучила его лицо, те черты, которые когда-то казались мне знакомыми и безопасными. Теперь я видела чужака. Видела соучастника преступления.

Артем не был ведомым. Не был жертвой обстоятельств. Он знал, что делает. Он выбрал путь предательства, чтобы спасти свой стартап, свои деньги, свой статус. И он выбрал меня в качестве расходного материала.

— Артем, — сказала я тихо, отставляя бокал обратно на стол, нетронутым. — Ты думаешь, я не вижу, кто стоит за всем этим?

Его лицо изменилось. Улыбка медленно сползла, заменяясь напряжением. Он не ответил сразу. Он ждал продолжения. Но я не дала ему слов. Я просто развернулась и пошла в спальню, оставив его одного среди белых роз и недопитого вина.

В комнате я села у окна. За стеклом Москва мерцала миллионами огней, огромная, равнодушная и опасная. Где-то там, в одном из этих светящихся окон, сидел инвестор, решивший, что купил мою жизнь за цену моей квартиры. Или Виктория, плетущая нити паутины. Или сам Артем, играющий роль героя в своем собственном фильме.

Мне нужна была помощь. Не только юридическая. Нужен был человек, который видит то, чего не видят другие. Человек, способный читать между строк цифровых следов.

Я достала телефон. Открыла новый документ. Палец завис над клавиатурой. Сердце билось тяжело, гулко, отдаваясь в висках. Я написала всего одно слово, которое слышала от коллеги несколько месяцев назад, когда обсуждали сложные дела о кибермошенничестве.

Кирилл.

Это имя было ключом. Или дверью в ад. Я не знала, что выберу. Но выбор был сделан. Игра началась.

Я сидела на полу в гостиной, окруженная распечатками, как археолог среди обломков собственной жизни. Три года брака, и вот он — цифровой труп. Я знала номер Виктории. Знала её голос по вчерашнему звонку. Но я не знала, кто стоит за этим номером по-настоящему.

Мой палец завис над клавиатурой ноутбука. Открытые базы данных? Пробитие по имени? Это было так же эффективно, как ловить рыбу голыми руками в мутной реке. Я уже три часа гоняла запросы через сервисы проверки контрагентов. В ответ — пустота. Или лож-

ные следы: «Виктория Иванова», менеджер по продажам из Саратова; «Виктория Смирнова», пенсионерка из Твери. Ни одна из них не подходила под портрет женщины, которая шептала моему мужу слова о деньгах и власти.

Страх сжал горло холодной рукой. Что если я ошибаюсь? Что если это просто ревнивая бывшая жена, у которой много свободного времени и мало мозгов? А может быть... может быть, я сама загоняю себя в угол? Если я начну копать глубже, используя серые схемы, меня могут обвинить в незаконном получении персональных данных. Артем уже пугал меня обвинениями в паранойе. Его юристы ждали моего первого неверного шага, чтобы объявить меня истеричкой и лишить права на имущество.

«Ты аудитор, Марина. Ты проверяешь цифры, а не чувства», — прошептал внутренний голос. И этот голос был прав. Мне нужен не хакер из подвала, который возьмет деньги и исчезнет. Мне нужен человек с лицензией. Человек, который умеет превращать данные в доказательства для суда.

Я захлопнула вкладку поиска. Голова раскалывалась от напряжения, глаза сохли, словно пустыня. Где искать такого специалиста? На сайтах объявлений толпились бывшие участковые, готовые следить за изменщиками в парках Горького за пять тысяч рублей. Они не отличат серверный лог от спам-фильтра.

Меня спас старый форум бухгалтеров. Я когда-то там общалась, делилась опытом проверок. Теперь я рылась в архивах тем «Корпоративная безопасность» и «Финансовый шпионаж». Среди десятков скучных постов мелькнуло имя: Кирилл Волков — однофамилец инвестора. Я дважды сверила фотографию: другой человек. Бывший следователь по экономическим делам. Специализация: цифровые криминалистические экспертизы. Отзывы были сухими, как его биография: «Дорого. Медленно. Точно. Не берет дела, где клиент хочет просто поплакать».

Я написала ему. Коротко. Без эмоций.

«Марина. Есть задача. IT-доказательства. Юридическая чистота обязательна. Оплата высокая. Готовность к немедленному началу».

Ответ пришел через час. Только адрес кофейни и время. Завтра. Десять утра.

Кофейня «Белый лист» находилась в деловом центре. Здесь пахло дорогим зерном и стерильным холодом кондиционеров. Я выбрала столик в углу, спиной к стене. Привычка аудитора: всегда контролировать тылы.

Кирилл вошел ровно в десять. Он не оглядывался. Из-под расстегнутого пальто виднелись темно-синий костюм без галстука и рубашка с расстегнутой верхней пуговицей. Лицо гладкое, выбритое до синевы, глаза цвета мокрого асфальта. Никаких украшений, никаких лишних движений. Он сел напротив, не снимая пальто.

— Вы Марина, — это не было вопросом.

— Да.

— Покажите сырье.

Я достала папку. Распечатанные скрины переписки, фото уведомлений, копию бэкапа и выгрузку старой почты на носителе. Все аккуратно, по датам. Как отчет по аудиту.

Кирилл не стал читать текст. Он быстро перелистнул страницы, остановился на одном скриншоте. Потом посмотрел на меня. В его взгляде не было жалости. Был расчет.

— Вы уверены, что хотите знать правду? — спросил он тихо. — Иногда лучше жить в иллюзии, что муж просто слабый мужчина, поддавшийся искушению. Правда часто бывает грязнее. Она может разрушить вас окончательно.

Я почувствовала, как внутри все сжалось. Но я кивнула.

— Мне нужна правда. Любая. Кроме той, что я виновата.

Глава 6

Он коротко улыбнулся, почти незаметно.

— Хорошо. Тогда давайте обсудим риски.

Кирилл открыл свой ноутбук. Экран засветился синевой.

— Ваша стратегия самоубийственна. Слежка за Артемом сейчас опасна. После подачи иска он ездит с охраной инвестора. Любое ваше движение будет заснято. Если они докажут, что вы нарушаете неприкосновенность частной жизни или используете нелегальные методы, они атакуют ваши доказательства. Вас представят как одержимую манией преследования жену.

— Что делать? — мой голос дрогнул впервые за несколько дней.

— Не следить за людьми. Следить за их тенями. Цифровыми следами. — Он повернул экран ко мне. На нем была схема сети стартапа Артема. — Облачные бэкапы. Лог-файлы корпоративной почты. Метаданные файлов. В почтовой выгрузке есть уведомление о настройке домашней синхронизации с корпоративным хранилищем. Артем оставлял рабочие копии дома. Начнем с того, что уже сохранено у вас: посмотрим, откуда приходили файлы.

— И сколько это стоит?

Названная сумма ударила меня в живот, сильнее, чем измена. Пятьсот тысяч рублей. За первый этап. Только анализ логов и поиск источника.

У нас с Артемом общие счета заморожены судом. У меня остались только личные накопления и портфель акций, которые я купила еще до замужества. Плюс золото. Мамина цепочка, кольца, серьги. То, что я берегла на черный день, считая брак своей защитой.

— У меня нет таких денег, — сказала я сухо.

— Тогда найдите, — ответил Кирилл, закрывая крышку ноутбука. — Или откажитесь. Я не работаю с полумерами. Полумеры убивают клиентов.

Он встал. Движение было быстрым, решительным. Он уже уходил.

— Подождите!

Голос сорвался, стал визгливым. Я ненавидела себя в этот момент. Ненавидела свою слабость. Но страх остаться нищей, преданной и опозоренной был сильнее стыда.

— Я продам акции и золото. Сегодня. Дайте мне три дня.

Кирилл остановился у выхода. Обернулся.

— Три дня. Если денег нет — мы не начинаем. Если есть — встречаемся здесь же. И запомните, Марина: в этом деле вы не жертва. Вы заказчик. Ведите себя соответственно.

Я вышла с холодной ясностью в голове: три дня, чтобы превратить накопления жизни в оружие. План сложился сам — сначала золото, потом акции, потом перевод на счёт Кирилла. Отступать было некуда: он предупредил, что полумеры убивают клиентов.

Золото ушло за два часа. Ювелирный магазин в торговом центре оценивал лом ниже рынка, но мне было плевать. Каждое кольцо, которое снимали с моих пальцев, ощущалось как потеря части кожи. Ограничения, которые держали меня три года. Ощущение безопасности, которое оказалось фикцией.

Акции я продала через приложение банка. Курс упал, но сумма вышла нужная. Когда на экране появилась надпись «Операция завершена», я почувствовала не облегчение, а пустоту. Пустоту, которую нужно было заполнить действиями.

Я перевела деньги на счёт Кирилла. Отправила подтверждение. Ответ последовал мгновенно: «Принято. Жду вас завтра. 10:00. Белый лист».

На следующий день я пришла раньше. Руки дрожали, но я стиснула их в кулаки, пряча в карман пальто. Кирилл уже сидел за тем же столиком. Перед ним стоял тот ноутбук.

— Садитесь, — сказал он. Не здороваясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.